

П. А. Ровинскій.

ПЕТРЪ П (РАДЕ) ПЕТРОВИЧЪ  
ИГОШЪ

ВЛАДЫКА ЧЕРНОГОРСКІЙ

(1830—1851).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, 11.

1889.

127-508

17380-



П. А. Ровинскій.

ПЕТРЪ II (РАДЕ) ПЕТРОВИЧЪ  
НЪГОШЪ  
ВЛАДЫКА ЧЕРНОГОРСКІЙ  
(1830—1851).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, 11.  
1889.

80541  
127508

18.270.3.3

131  
1311

(RECAP) ~~Annex A~~

DR1875

.R.004

1889

~~ANNEX A~~

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 7 Марта 1889 года.



# ОГЛАВЛЕНІЕ.

|                                                                                                            | Стран. |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------|
| I. Положеніе Черногоріи передъ вступленьемъ въ управленіе Петра II . . . . .                               | 5      |
| II. Первые свѣтлые годы правленья . . . . .                                                                | 19     |
| III. Періодъ разочарованій, закладъ характера и выработ-<br>ки политическаго такта (съ 1836—1848 г.) . . . | 72     |
| IV. Послѣдняя проба, болѣзнь и смерть . . . . .                                                            | 168    |
| V. Отзывы о владыкѣ Петрѣ II . . . . .                                                                     | 183    |
| VI. Общее заключеніе о личности влад. Петра II и его<br>историческомъ значеніи . . . . .                   | 208    |
| VII. Дополненія и приложенія . . . . .                                                                     | 215    |

R 898307

1133 9100015454



## ПРЕДИСЛОВІЕ.

---

Правленіе владыки Петра II составляет одинъ изъ интереснѣйшихъ періодовъ въ исторіи не только Черногоріи, но и цѣлаго Сербства. Этому именно правленію принадлежитъ подготовка Черногоріи къ переходу отъ родовыхъ іерархическихъ началъ къ государственному быту, послѣ чего она тотчасъ преобразуется въ политическую единицу, вторую послѣ княжества Сербіи. А главнымъ дѣтелемъ, реформаторомъ является личность, на которую впервые обращается вниманіе цѣлаго свѣта, а съ нею вмѣстѣ выступаетъ все больше маленькая Черногорія, ореолъ же его славы падаетъ опять на все Сербство. Но при всемъ томъ относительно его до недавняго времени не было ни одного сочиненія, кромѣ замѣтокъ мимолетныхъ посѣтителей, иностранныхъ путешественниковъ, между которыми самое полное представляютъ, конечно, письма Л. Ненадовича, и только въ 1882 г. вышла книга М. Медаковича (П. П. Нѣгошъ — послѣдній владѣтельный владыка черногорскій). Но все это представляетъ только личныя воспоминанія и рассказы современниковъ, собранныя безъ всякой системы и безъ надлежащей критики; нѣтъ ничего научнаго и документальнаго.

Посчастливилось только оцѣнкѣ его литературной дѣятельности, которая давно уже вошла въ исторію сербской литературы и удостоилась отдѣльнаго разбора одного изъ лучшихъ сербскихъ критиковъ Свет. Вуловича (Петръ Петровичъ Нѣгушъ — поэтъ сербскій. Годшница Н. Чуича, 1877 г.).

Въ прошломъ году вышла цѣлая книга П. А. Лаврова, носящая заглавіе: „Петръ II Петровичъ Нѣгошъ Владыка Черногорскій и его литературная дѣятельность“. (Москва 1887 года, in 4°, X, 416). И здѣсь на первомъ планѣ, судя по заглавію, стоитъ литературная дѣятельность владыки. Но ровно половина книги посвящена его политической дѣятельности. Самъ г. Лавровъ въ предисловіи къ своему сочиненію говорить: „Первоначально авторъ имѣлъ намѣреніе ограничиться лишь однимъ изложеніемъ литературной дѣятельности владыки, но во время своего путешествія по сербскимъ краямъ въ Цетиньѣ и Дубровникѣ ему удалось познакомиться съ значительнымъ количествомъ документовъ, относящихся до исторіи Черногоріи за время правленія владыки Петра II“. Онъ былъ такъ счастливъ, что передъ нимъ раскрылись двѣ богатыя сокровищницы—личный архивъ князя Николая и архивъ русскаго консульства въ Дубровникѣ. „Лишь благодаря этимъ матеріаламъ—продолжаетъ авторъ—и можетъ появиться первая часть предлагаемой книги, заключающая краткій обзоръ управленія Черногоріей“.

Слѣдовательно эта половина книги г. Лаврова составляетъ какъ бы второстепенную ея часть. И дѣйствительно она вся состоитъ почти исключительно изъ однихъ документовъ, приведенныхъ только въ хронологическій порядокъ и обставленныхъ личными разсужденіями и объясненіями автора, почерпнутыми также главнымъ образомъ изъ нихъ же.

Уже одно обнародованье такого множества документовъ составляетъ большую заслугу г. Лаврова. Что касается литературной дѣятельности владыки, то обзоръ ея въ книгѣ г. Лаврова впервые является съ такою полнотою, съ какой еще не было его ни въ русской, ни въ сербской литературѣ.

Люди науки, историки и литературъ-историки, конечно, оцѣнятъ достоинства сочиненія г. Лаврова въ ученомъ отношеніи; мы же, считая такую задачу для себя непосильною,

потому что давно уже возвращаемся внѣ міра науки и ученыхъ, но, занимаясь вообще Черногоріей и располагая также нѣкоторыми документами, считаемъ долгомъ пополнить то, что въ сочиненіи г. Лаврова развито не съ достаточною полнотою и ясностью, и исправить, что, по нашему мнѣнію, ошибочно.

Прежде всего можно замѣтить, что у г. Лаврова изъ-за массы документовъ совершенно ступшевывается личность владыки; она даже уступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль личностямъ второстепеннымъ, какъ русскій консулъ Гагичъ или И. Вукотичъ. Все совершается какъ бы помимо участія владыки, который является только пассивнымъ участникомъ и исполнителемъ, за что и удостоивается отъ автора только похвалъ въ родѣ слѣдующей: „Эти письма прекрасно свидѣтельствуютъ, насколько настойчиво умѣлъ владыка защищать интересы своихъ подданныхъ отъ несправедливыхъ притязаній“ (стр. 117—118); или: „Съ такимъ искусствомъ и съ такимъ достоинствомъ защищалъ владыка честь свою и своихъ подданныхъ“ (стр. 168).

Можетъ быть, и не входило въ планъ автора останавливаться, главнымъ образомъ, на личности владыки; но мы считаемъ это значительнымъ недостаткомъ и желали бы его нѣсколько пополнить.

Есть у него также нѣкоторые значительные пропуски въ чисто фактическомъ отношеніи, которые мы также можемъ пополнить изъ документовъ, извлеченныхъ изъ той части архива при русскомъ консулатѣ въ Дубровникѣ, которою мы могли воспользоваться, благодаря довѣрію и вниманію къ намъ тамошняго нашего консула Василя Богдановича Пассека.

Мы уже сообщали часть имѣющагося у насъ матеріала въ сербскій журналъ „Яворъ“, гдѣ онъ и былъ напечатанъ въ нѣстолькихъ нумерахъ, и въ томъ числѣ болѣе 10 писемъ владыки; тамъ же мы старались провести нашъ взглядъ на владыку Петра II; но тамъ эта статья затерялась, не обративши

вниманья г. Лаврова, спеціально тѣмъ занимавшагося; поэтому мы рѣшились другой разъ писать о томъ же, должно сознаться, вызванныя къ тому книгою г. Лаврова, послѣ которой врядъ-ли можетъ появиться что либо серьезное о владимѣѣ Петрѣ II; а между тѣмъ и она, по нашему мнѣнію, не устанавливаетъ на него должнаго взгляда.

Всѣ наши цитаты и ссылки обозначены нами въ самомъ изложеніи съ показаньемъ, откуда взяты; а документы безъ всякаго означенья взяты нами прямо изъ упомянутаго архива.

Цитаты на сербскомъ языкѣ мы не всегда переводимъ, потому что для слависта переводъ не нуженъ, а для не-слависта нуженъ только общій смыслъ, который самъ собою ясенъ.

Цетинье, 18-го апрѣля 1888 года.

---

## I.

### Положеніе Черногоріи передъ вступленьемъ въ управленіе Петра II.

Роль Черногоріи въ европейской исторіи.—Вліяніе на ея судьбу знакомства и сближенія съ Россіей.—Участіе ея въ войнѣ противъ Наполеона I и послѣдствія.—Разстроенное состояніе Черногоріи въ концѣ жизни владыки Петра I. — Заботы его о наслѣдникѣ. — Выборъ Георгія Петровича и его отказъ.—Второй выборъ падаетъ на Рада.—Его воспитаніе.—С. Милутиновичъ и вліяніе его на Рада.—Готовился-ли Рада быть владыкой?

До начала XVIII вѣка Черногорію знали и вѣдали съ нею только Венеція и Турція. Послѣдняя смотрѣла на нее, какъ на единственный уголокъ на цѣломъ Балканскомъ полуостровѣ, который не признаетъ надъ собою власти всеильнаго падишаха и который, во что бы то ни стало, слѣдуетъ покорить; а Венеція, считая за собою право на обладаніе ея территоріей, пригодною для жизни, жала её съ моря; но въ то же время, не видя интереса въ обладаніи бесплодными скалами, поддерживала горцевъ, чтобы опираясь на нихъ, легче вести свои сдѣлки съ турками.

Остальная Европа ничего не знала о Черногоріи и не хотѣла знать, такъ какъ тамъ господствовала *схизматическая вѣра*, какъ и до сихъ поръ еще даже нѣкоторые ученые Западной Европы называютъ восточное православіе. \*)

Тѣмъ не менѣе Западъ не упускалъ изъ виду этотъ уголокъ, и отъ времени до времени черезъ посредство Венеціи заглядывали въ него агенты Рима. А когда все усиливающееся могущество турокъ въ продолженіе XVI и XVII столѣтій стало угрожать Европѣ и почувствовалась необходимость поставить оплотъ этому усиленію, тогда въ Западной Европѣ составилъ союзъ и выработалъ былъ цѣлый планъ возстанія христіанъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, по которому Черногорія была избрана опера-

---

\*) *Lenormant.*—*Turcs et Monténégriens.* Paris, 1866. pp. 11—12.

ціоннымъ базисомъ. Это была ничѣмъ не кончившаяся афера не-верскаго герцога Гонзаго (1614 г.); но одно то, что громадное собрание по этому поводу происходило въ Кучахъ (нынѣшняя Черногорія) и черезъ Черногорію предполагался провозъ оружія, показываесть, что на Западѣ понимали стратегическое значеніе этой страны.

Она, однако, не играла никакой активной роли, пока не открылъ ее Петръ Великій, и съ этой поры Черногорія находится въ постоянной, непрерывной связи съ Россією, въ то же время обращая на себя вниманіе и другихъ государствъ и прежде всего Австріи, которая тоже стала стремиться войти съ нею въ болѣе тѣсную связь; а въ 1778 г. Австрія хотѣла заключить съ нею формальный союзъ, который, однако, тогдашній владыка Петръ I отвергъ, находя въ немъ стремленіе подъ видомъ союза и покровительства навязать Черногоріи вассальные отношенія. Нѣчто подобное обнаруживалась и со стороны Россіи; но здѣсь самымъ русскимъ государственнымъ людямъ было неясно какъ положеніе Черногоріи безъ всякихъ политическихъ учрежденій съ духовнымъ лицомъ во главѣ, такъ и тѣ отношенія, въ какія Россія могла бы стать къ Черногоріи. Но, какъ бы ни были ошибочны взгляды русскихъ государственныхъ людей того времени, связью между Россією и Черногоріей, сверхъ политики, служили вѣра и народность. Русскіе цари и царицы давали субсидію черногорскимъ владыкамъ прямо на поддержаніе въ нихъ этихъ двухъ элементовъ народной жизни, а достиженіе политической цѣли являлось только какъ-бы естественнымъ послѣдствіемъ.

Надобно замѣтить, что въ то время въ цѣлой Европѣ царилъ внутренній абсолютизмъ, вызвавшій своею разнузданностію реакцію въ людяхъ философской мысли и во Франціи, его фокусъ, увѣнчавшійся ужасами революціи; тотъ же духъ переносило и на отношенія внѣшнія, международныя. Сильный не могъ довольствоваться одною протекціей надъ слабымъ; ему нужно было полное подчиненіе этого послѣдняго. Отчасти это было естественно, если приводилось дѣйствовать заодно, совокупными силами и для одной цѣли. Требования Россіи по отношенію къ Черногоріи не шли далѣе этой конечной цѣли, тогда какъ западно-европейскія державы, начиная съ Венеціи, прямо стремились завладѣть Черногоріей, обратить въ свою провинцію. Такими же въ послѣдствіи явились Австрія и Франція.

Вотъ почему Черногорія совершенно прильнула къ Россіи, и владыки ея беззавѣтно предавались волѣ русскихъ императоровъ, терпѣливо перенося иногда ошибки и несправедливости, оказываемыя имъ со стороны императорскаго правительства.

И, благодаря именно связи съ Россіей, которая все больше пріобрѣтала вліянья на европейскія дѣла, поднимается и политическая роль Черногоріи.

Въ концѣ XVIII вѣка, когда въ Западной Европѣ оказались подкопанными основы вѣры и государства, когда колебались и падали троны, теряли самостоятельность цѣлыя государства, когда всѣ народы пришли въ какое-то броженіе, и вся Европа судорожно сжималась будто подъ вліяньемъ какой-то міровой, стихійной силы; въ этотъ трудный моментъ три великія державы Россія, Австрія и Англія приглашаютъ Черногорію дѣйствовать съ ними заодно противъ Наполеона, передъ которымъ тогда трепетала Европа. Черногорія принимаетъ это приглашеніе и является такимъ образомъ дѣятельною участницею въ міровыхъ событіяхъ и честно и доблестно исполняетъ возложенное на нее дѣло.

Послѣ этого Европа занялась устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ внѣшними событіями въ значительной степени потрясенъ былъ и внутренній порядокъ. Начались конгрессы стали составляться союзы для противодѣйствія анархическимъ стремленіямъ, и Черногорія на время была забыта. Тѣмъ не менѣе въ упомянутыхъ выше дѣйствіяхъ противъ Наполеона, черногорскій владыка явился весьма виднымъ дѣятелемъ. На него было обращено вниманье цѣлой Европы. При этомъ одни относились къ нему съ сочувствіемъ, другіе съ плохо скрываемымъ негодованіемъ; но всѣ должны были признать въ немъ необыкновенный умъ, соединенный съ политическимъ тактомъ, сильный характеръ, умѣющій импонировать своимъ и чужимъ, и горячую преданность идеѣ.

Таковъ и былъ въ дѣйствительности Петръ I, не говоря уже о другихъ высокихъ качествахъ его души, заживо заслужившихъ ему у своего народа имя *святаго*.

Это высокое политическое положеніе среди Европы, котораго достигла Черногорія со своимъ владыкой, не принесло ей однако никакихъ существенныхъ выгодъ. А между тѣмъ страна, служившая Европѣ въ продолженіи болѣе чѣмъ десяти лѣтъ, не занимаясь ничѣмъ, какъ войной, истощилась въ конецъ, не получивши никакого за то вознагражденія, а напротивъ, на нѣкоторое время забыта была и выдача ей субсидій изъ Россіи.

Вступая въ эту войну народъ надѣялся, что къ Черногоріи будутъ присоединены болѣе плодородныя территоріи, что она получитъ участіе и въ морскомъ берегу съ нѣкоторыми пристанями, и что тогда будетъ жить легче. Особенно большія надежды зарождались, когда владыка былъ правителемъ Боки. Но всѣ эти надежды оказались пустыми иллюзіями. Народу снова привелось воротиться въ свои голыя скалы и изъ ихъ тощей груди сосать скудные соки или искать снова добычи съ ружьемъ и ятаганомъ въ рукахъ; да и для этого нужны были средства, чтобы купить необходимыхъ боевыхъ припасовъ, а средствъ этихъ не было.

Само собою разумѣется, что всего тяжеле это должно было отразиться на владыкѣ. Горько, глубоко разочарованный самъ, онъ являлся какъ бы виновникомъ такого положенія передъ народомъ и вслѣдствіе того терялъ у него всякій авторитетъ. Внутреннее разстройство въ это время достигло крайней степени. Вотъ какъ оно изображено историкомъ Милановичемъ:\*) «Едва только владыка воротился въ Черногорію (изъ Боки)—говоритъ Милановичъ—какъ возобновились прежнія несогласія и раздоры, которые за короткое время обратились въ настоящую анархію, не прекращавшуюся до конца жизни владыки. Не было ни одной нахи, ни брда, жители которыхъ находились бы въ мирѣ между собою, и рѣдко можно было найти хоть одно племя, среди котораго не происходило бы внутренней войны и пролитія братской крови. Племена Катунъ бились съ племенами Рѣки и Цермницы, пиперы воевали съ бѣлопавличами, а бѣлопавличи въ то-же время съ катунянами; морачане съ ровчанами, которые опять бились съ бѣлопавличами и пиперами; бойцы бились попеременно то съ дольнекрайцами, то съ нѣгушами и цекличами; любопиняне съ цеклинянами, цеклиняне съ добрлянами и т. д. Если по временамъ и утихали эти внутренніе раздоры на короткое время, то единственно вслѣдствіе моленій владыки и нѣкоторыхъ заслуженныхъ главарей, которымъ съ большими усиліями удавалось установить только перемиріе, за которымъ возобновлялась прежняя вражда еще съ болѣе жестокимъ ожесточеніемъ. Къ этому бѣдствію присоединились частыя выселенія въ инныя земли, въ которыхъ народъ искалъ спасенія въ голодные годы. Одни выселялись въ Россію; но большая часть изъ нихъ, встрѣченная тамъ неблагоприятными обстоятельствами, снова возвращалась въ свои бесплод-

---

\*) Storio del Montenegro (стр. 238—239).

ныя горы; другіе стали искать себѣ новаго отечества въ княжествѣ Сербіи, но и оттуда многіе скоро возвращались назадъ, на родину вслѣдствіе нездороваго климата, а частію отъ страха передъ суровостью сербской полиціи; наконецъ были люди, которые пытались найти убѣжище въ Неаполитанскомъ королевствѣ, но не могли его найти среди народа иной религіи и иного языка. Сердце владыки обливалось кровью, глядя на бѣдствія своего народа, но онъ былъ не въ состояніи ни предотвратить ихъ, ни помочь народу, съ тѣхъ поръ какъ, по заключеніи тильзитскаго мира въ 1807 г., императоръ Александръ остановилъ посылку Черногоріи годовой субсидіи 1,000 цекиновъ, которая назначена была ей императоромъ Павломъ; съ того времени сдѣлалось пустою тѣнью всякая власть, и прежній произволъ возобладалъ по всей Черногоріи».

По счастью, Турція въ это время была парализована внутренними неурядицами и угрозами войной со стороны Россіи, послѣдствіемъ чего и было освобожденіе Сербіи и Греціи; иначе турки, конечно, воспользовались бы несчастнымъ положеніемъ Черногоріи.

Впрочемъ, со стороны турокъ все таки была одна крупная попытка воспользоваться этимъ положеніемъ; именно сдѣлано было нападеніе на Морачу 12,000 турокъ подъ предводительствомъ Дели-паши, а по распоряженію визиря Джелаледина-паши. Но имъ удалось только пожечь Горнюю Морачу, и затѣмъ турки были разбиты соединенными силами морачанъ, пиперъ и др. племенъ, потерявши до 1,500 чел. убитыми и оставивши въ добычу черногорцамъ 1,200 лошадей.

Старая черногорская доблесть помогать другъ другу при видѣ общей опасности, забывъ племенную вражду, спасла и на этотъ разъ Черногорію. Но опаснѣе открытыхъ нападеній были тайныя интриги скадарскаго паши. Онъ старался оторвать отъ Черногоріи не только отдаленныя племена, какъ кучи или пиперы, но и ближнія. Такъ ему удалось въ 1827 г. привлечь на свою сторону цеклинскихъ главарей подарками и обѣщаніемъ своего сильнаго покровительства въ имѣющей въ скоромъ времени открыться войнѣ.

Вступленіе на русскій престолъ императора Николая, вспомнившего Черногорію и выславшаго ей задержанную до него субсидію за всѣ годы, оживило стараго, совершенно упавшаго духомъ и тѣломъ владыку.